

На правах рукописи

Москаленская Дарья Николаевна

**ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ-«ЛИШЕНЦЫ»
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.:
СТАТУС, ОБЛИК, ПОВЕДЕНИЕ**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Красильников Сергей Александрович

Официальные оппоненты:

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет», кафедра гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала), профессор

Саламатова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», кафедра теории и истории государства и права, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет»

Защита состоится 22 декабря 2017 года в 14 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/MoskalenskayaDN22122017.html>

Автореферат разослан « ____ » октября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Шевцов
Вячеслав Вениаминович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Лишение избирательных прав в постреволюционную эпоху являлось ограничительно-дискриминационной мерой, направленной против представителей бывших привилегированных сословий и групп. «Лишенцы» стали одним из искусственно формируемых режимом составных элементов социальной структуры в противовес системообразующим трудящимся классам советского общества 1920–1930-х гг. Уникальность категории православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» внутри общей учетной группы «лишенцев» состояла в том, что, в отличие от других категорий, которые по своему составу были крайне разнородны, священно- и церковнослужители находились внутри церковной организации, служившей для них объединяющей основой. Кроме того, тема лишения избирательных прав представителей духовенства, с последующими за этим дискриминациями и репрессиями, является важной в контексте всей советской эпохи изучения взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви.

Важнейшей стороной жизнедеятельности «лишенцев» являлась борьба социально активной части из них за восстановление в избирательных правах, что давало возможность расширения границ адаптации к новым постреволюционным условиям. Изучение данной стороны призвано более предметно и детально реконструировать поведенческие практики указанной группы, способствовать получению нового знания о динамике социальной повседневности в указанный период.

Современному российскому обществу, переживающему сложный переходный период, необходимо иметь более глубокие и обоснованные знания о послереволюционной эпохе как о времени широкомасштабного действия разнонаправленных тенденций в социальной мобильности, когда одни слои и группы оказывались в условиях восходящей мобильности, а другие массовые категории подвергались десоциализации. Проводившаяся в отношении последних политика репрессий и дискриминаций (рельефно выразившаяся применительно к «служителям религиозных культов») имела длительный и устойчивый характер на протяжении всей сталинской эпохи, привела к глубоко негативным последствиям, прежде всего социально-культурного, психологического характера, и выразилась в значительной маргинализации раннесоветского социума.

Степень изученности темы. Историография данной темы складывается из двух частей: работы, относящиеся к истории Русской православной церкви (РПЦ) и исследования, посвященные лицам, лишенным избирательных прав.

В историографии истории РПЦ в изучаемый период выделяются несколько этапов. Первый этап охватывает 1920-е–1930-е гг. Работы этого времени характеризуются ярко выраженной идеолого-пропагандистской направленностью¹. Взаимоотношения церкви и государства рассматривались в основном в контексте

¹ Грекулов Е. Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. М., 1930; Долотов А. Церковь и сектанство в Сибири. Новосибирск, 1930; Кандидов Б. Большевики и поповщина в борьбе против Октябрьской революции. М., 1931; Олещук Ф. Н. Борьба церкви против народа. М., 1939, и др.

классовой борьбы. После временного перерыва, с конца 50-х гг. начинается новый этап, расширяется проблематика исследований. Значительный вклад в изучение истории обновленческого раскола внес А. А. Шишкин, рассматривавший его как приспособление церкви к новым условиям². Исследования по истории религии и атеизма, по проблемам церкви в контексте классовой борьбы в 1917–1937 гг. в Сибири проводились И. Д. Эйнгорном³. Обобщающим работам по истории государственно-церковных отношений этого этапа также свойственна предвзятость и идеологизированность⁴.

В зарубежной историографии, представленной работами русских эмигрантов, а также церковных авторов, критически освещалась история церкви в СССР. Главными темами являлись гонения на верующих в СССР, раскол церкви и история Русской Православной Церкви Заграницей⁵.

В постсоветской историографии проблемы, связанные с историей РПЦ, получили широкое освещение. Одними из первых работ, написанных с новых оценочных позиций стали исследования М. И. Одинцова, О. Ю. Васильевой, М. Ю. Крапивина⁶. Значительный вклад в развитие данной проблематики внесли историки А. Н. Кашеваров и М. В. Шкаровский⁷. Из зарубежной историографии необходимо отметить исследования Д. В. Пospelовского⁸.

В литературе последних лет из наиболее крупных работ выделяется исследование И. А. Курляндского, в котором государственно-церковные отношения рассматриваются сквозь призму личности И. В. Сталина⁹. Вышла в свет и новая книга М. И. Одинцова¹⁰, в которой автор, останавливаясь на периоде 1920–1930-х гг., рассматривает как внутренние церковные расколы, так и государственную политику в отношении церкви.

Получила развитие современная церковная историография, представленная работами митрополита Иоанна Снычева, игумена Дамаскина (Орловского), протоиереев В. Цыпина и Г. Митрофанова.

²Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань, 1970.

³Эйнгорн И. Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.). Томск, 1982.

⁴Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия (20-е - 80-е годы XX столетия). М., 1984; Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984; Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. М., 1985; Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1986.

⁵Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. М., 2007; Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. В трех томах. // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/history/20/krasnov/000_ogl.html (дата обращения 18.05.2012).

⁶Одинцов М. И. Государственно-церковные отношения в России. XX век. М., 1994; Васильева О. Ю. Русская Православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54; Она же. Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Там же. 1994. № 4. С. 35–46; Крапивин М. Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). Волгоград, 1993.

⁷Кашеваров А. Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. СПб., 1995; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.

⁸Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995; Он же. Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003.

⁹Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

¹⁰Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014.

Помимо работ обобщающего характера, освещающих государственно-церковные отношения, появляются работы, предметом которых является материальное положение православного духовенства¹¹, а также его политическая культура¹². Особый интерес представляют исследования, посвященные социальному положению духовенства и верующих в советском обществе¹³

Развиваются и региональные исследования: проблемы государственно-церковных отношений в Западной Сибири рассматриваются в работах О. А. Гайлит, Т. Н. Коголь, Н. А. Неживых, Р. В. Мезенцева и других авторов¹⁴. Появляются и исследования, посвященные внутрицерковным конфликтам¹⁵, а также проблемам репрессий в отношении православного духовенства Западной Сибири¹⁶. Отдельного внимания заслуживает монография А. И. Казанкова, базирующаяся на материалах архивно-следственных дел и посвященная реконструкции жизненного мира сельских «церковных людей» Западного Урала в 1930-е гг.¹⁷

Таким образом, в работах, посвященных истории церкви, большее внимание обращалось на политику государства в отношении церкви, историю РПЦ как института, организации, и меньше внимания уделялось социальному положению священнослужителей, способам их адаптации к изменившимся условиям.

Хотя лишение избирательных прав не являлось приоритетной темой, оно рассматривалось в советской историографии. В 1920-е гг. советские правоведа М. Владимирский, С. М. Бродович, П. И. Стучка, Г. С. Гурвич рассматривали процедуры лишения и восстановления в избирательных правах в контексте развития

¹¹ Марченко А. Н. Материальное положение православного духовенства в России в 1918-1957 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 104-113; Цыремпилова И. Экономический фактор в системе государственной антирелигиозной политики в 1920 - 1930 -х гг. (на материалах православных общин Байкальского региона) // Власть. 2011. № 9. С. 74-77.

¹² Пономарев М. В. Политическая культура православного духовенства России в 1917-1930-е гг.: центр и провинция. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Волгоград, 2010.

¹³ Мухин В. Н. Положение православных в советском обществе в 1930-е года (на примере Казанской епархии). // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. №1 (28). С. 236-241; Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-х – 1930-е гг. // Псков. 2003. № 19. С. 94-100.

¹⁴ Гайлит О. А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в конце 1920-х в 1930-е гг.: На материалах Западной Сибири. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Омск, 2002; Коголь Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005; Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX-XX вв.). Кемерово, 2007; Неживых Н. А. Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири). Омск, 2012; Мезенцев Р. В., Модоров Н. С., Сидоренко Д. И. Взаимоотношения православного духовенства и советского государства в 30-е гг. XX в. (на примере Бийской епархии) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3. С. 253-257.

¹⁵ Бочкарев В. прот. История обновленческого церковного раскола в Западной Сибири // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 118-129; Никулин А. А. Обновленческий раскол Западной Сибири в 1920-1930-х годах. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 85-90; Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 4. С. 79-82.

¹⁶ Шангин М. «Террор против совести». Омск, 1994; Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М., 2004; Гришаев В. Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004; Колесников А. А. Преследование представителей Русской Православной Церкви на Алтае // Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. М., 2009. С. 283-302; Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 - 1941 г.). Томск, 2012.

¹⁷ Казанков А. И. Время местное: хроники провинциальной повседневности. Пермь. 2016.

советской избирательной системы¹⁸. Работы советских управленцев в основном носили агитационно-пропагандистский характер¹⁹.

После принятия Конституции 1936 г. вопросы, касающиеся лишения избирательных прав, утратили свою актуальность, поэтому в изучении данного вопроса возник перерыв. В 1950–1980-е гг. правоведы в рамках исследований о первой советской конституции²⁰, а историки в связи с изучением деятельности Советов и уничтожением «эксплуататорских классов»²¹, затрагивали вопросы о лишении избирательных прав и «лишенцах». Однако стереотипные подходы, сложившиеся в отношении оценок самого явления, сохранились, лишь с несколько измененной аргументацией.

Темой специальных исследований проблема лишения избирательных прав становится только с начала 1990-х гг. Первым из отечественных исследователей, обратившихся к проблеме «лишенчества» с новых оценочных позиций, стал А. И. Добкин²². В дальнейшем, со второй половины 1990-х гг., проводится более глубокое изучение «лишенцев» отдельных регионов, а также различных групп «лишенцев». В 1997 году вышел сборник «История репрессий на Урале», одна из статей которого посвящена категории «служителей религиозного культа». До этого данная категория «лишенцев» в литературе специально не рассматривалась. Ю. А. Русина анализирует демографическую структуру, распределение по должностям, занимаемым в церкви, изменения в социальной принадлежности, обращает внимание и на мотивы восстановления в избирательных правах²³.

В контексте репрессивно-дискриминационной политики государства лишение избирательных прав рассматривается в исследованиях С. А. Красильникова²⁴. Т. И. Славко²⁵, В. М. Кириллова²⁶. В изучении категории «лишенцев» начинают применяться современные методы источниковедческого анализа и информационные технологии. Особого внимания заслуживает монография

¹⁸ Владимирский М. Организация советской власти на местах. М., 1921; Бродович С. М. Советское избирательное право. Л., 1925; Гурвич Г. С. Основы советской конституции. М., 1929; Стучка П. И. Учение о советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР. Л., 1929. и др.

¹⁹ См., напр. Каврайский Б., Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928–1929 гг. Новосибирск, 1929 и др.

²⁰ Филимонов В. Г. Первая советская Конституция М., 1960; Лепешкин А. И. Советы - власть трудящихся. 1917–1936 гг. М., 1966; Портнов В. П., Славин М. М. Этапы развития советской Конституции. М., 1982; Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984.

²¹ См., напр.: Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне. Томск, 1969; Гушин Н. Я., Ильных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987; Андреев В. П. Руководство Коммунистической партией городскими советами РСФСР (1926–1937). Томск, 1990 и др.

²² Добкин А. И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М., Спб., 1992. Вып. 2. С. 600–628.

²³ Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 119–129.

²⁴ Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе, 1917–конец 1930-х годов. Новосибирск, 1998.

²⁵ Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале 1930–1936 гг. М., 1995.

²⁶ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920е – начало 50х гг. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920–1930х гг.

московских исследователей «Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы»²⁷.

Проблемы политики «социальной инженерии» и ее воздействия на статус и судьбы тех, кто оказался после революции в маргинальном состоянии, поднимаются в работе Т. М. Смирновой²⁸. Категории священнослужителей автор касается в контексте рассмотрения «покаянных» писем и реакции на них властей.

На материалах Западной Сибири изучение «лишенцев» проводится М. С. Саламатовой²⁹. В ее работах рассматривается советское законодательство в отношении «лишенцев», а также его применение на практике к «лишенцам» Западной Сибири, анализируется численность, состав и структура сельских и городских «лишенцев». Такое комплексное изучение позволило сравнивать социально-демографические характеристики категории «служителей религиозного культа» с показателями других групп «лишенцев». Более подробно к категории священнослужителей автор обращается, рассматривая жизненную стратегию «лишенцев», тактики их поведения.

Продолжают развиваться исследования, посвященные как «лишенцам» отдельных регионов (Мордовии, Западного региона РСФСР, Алтая, Тверского региона, Крыма), так и различным категориям лиц, лишенных избирательных прав³⁰.

Следует отметить, что темой «лишенчества» занимаются не только историки, но и праведы. В своих исследованиях они рассматривают «лишенчество» как отдельный этап в развитии системы советского избирательного законодательства³¹.

Специальной работой, в которой рассматривается проблема лишения избирательных прав именно православного духовенства, стала статья З. Ш. Мавлютовой, базирующуюся на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области³². Автор анализирует численность и состав священнослужителей-«лишенцев» данных округов, а также обращает внимание на поведенческий фактор. Ю. А. Русина в своей статье на обширном материале

²⁷ Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998.

²⁸ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции 1917–1936 годы. М., 2003.

²⁹ Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007; Саламатова М. С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск, 2016.

³⁰ Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. Саранск, 2005; Полякова Д. А. Семья «лишенцев» на Алтае: борьба за избирательные права // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 2. Р. 65–68; Карпычева Е. В. Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование (1918–1936 гг.) Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. М., 2009; Серокурова Л. А. «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов: 1921–1936 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. М., 2010; Валув Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012.

³¹ Белоновский В. Н. Лишение избирательных прав как мера юридической ответственности // История государства и права. 2009, № 9. С. 13–16; Дуксин П. А. Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20–30-х годов XX века // Конституционное и муниципальное право. 2009, № 5. С. 20–23.

³² Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов). // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57.

уральского региона вновь обращается к социокультурным характеристикам, а также проводит содержательный анализ заявлений «лишенцев»³³.

Постановочный характер носят публикации Н. С. Петрищевой, основой которых послужили законодательно-нормативные документы, а также работы других авторов о дискриминационной государственной политике и социальной практике в отношении данной группы³⁴. Исследования, посвященные лишению избирательных прав «служителей культа», проводились также Н. А. Давыдовой на материалах Севастопольского района³⁵ и Н. М. Ергиной (Морозовой) на материалах Мордовии³⁶.

В западной историографии лишению избирательных прав уделялось внимание в контексте изучения советской социальной истории. В исследованиях Ш. Фицпатрик данное явление рассматривается как важный фактор динамики социальной структуры советского общества 1920-х–1930-х гг.³⁷, а также как часть изучения истории повседневности³⁸. В русле социальной истории проблему «лишенчества» затрагивает и американский исследователь В. Бровкин³⁹. Г. Алексопулос в своей монографии, основываясь на материалах личных дел, рассматривает лишение избирательных прав как одну из форм политических репрессий⁴⁰.

Таким образом, до настоящего времени в историографии не проводилось комплексного изучения лишения избирательных прав православного духовенства в постреволюционную эпоху. Дальнейшего изучения требуют поведенческие действия части священнослужителей в стремлениях добиться восстановления в избирательных правах, их борьба за свое правовое положение. Реакция всех уровней власти на вопросы изменения статуса священнослужителей в 1920-е – первой

³³ Русина Ю. А. "Нет права голоса – нет доверия": почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В. 2 ч. Ч. 1. С. 192-200.

³⁴ Петрищева Н. С. Выбирай, если достоин?: К вопросу о политической дискриминации священнослужителей в годы нэпа // Кубанские исторические чтения: Материалы первой межвузовской научно-практической конференции (Краснодар, 14 мая 2010 г.). Краснодар, 2010. С.66-70; Петрищева Н.С. Священный долг или политическая лояльность?: исторический опыт участия священнослужителей в политической жизни страны // Духовные ценности российского общества в XXI веке: материалы VI научно-образовательных Знаменских чтений. Курск, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://studydoc.ru/doc/2550129/petrisheva-n.s.-svyashennyj-dolg-ili-politicheskaya> (дата обращения: 16.12.2016).

³⁵ Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы. // Государственный архив г. Севастополя [Электронный ресурс] URL: <http://www.gosarhiv.sev.net.ua/fulldoc/2006-03/Davidova.shtml> (дата обращения: 14.03.2012)

³⁶ Морозова Н. М. О лицах, лишенных избирательных прав по религиозным мотивам на территории Мордовии: материалы личных дел 1918-1936 гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 199-205; Ергина Н.М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918-1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5-1. С. 61-67.

³⁷ Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. №8. С. 16-31.

³⁸ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008; Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

³⁹ Brovkin V. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society, 1921-1929. London, 1998.

⁴⁰ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Pitizens, and the Soviet State, 1926-1936. Ithaca, London, Cornell University press, 2003.

половине 1930-х гг. позволяет расширить поле изучения государственно–церковных отношений в отмеченный период.

Объектом данного исследования выступает категория православных сельских и городских священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западно-Сибирского региона, **предметом** – социальные и поведенческие характеристики данной категории, порожденные их дискриминационным статусом.

Цель исследования состоит в реконструкции на научной основе процессов, связанных с динамикой статуса, облика и поведенческих действий православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» в ходе их взаимодействия с региональными органами власти в изучаемый период.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. Определить статус православных священно- и церковнослужителей в социальной структуре постреволюционного общества 1920-х–1930-х гг.
2. Рассмотреть последствия лишения избирательных прав для данной категории в раннесоветском обществе.
3. Выявить демографические и социально-культурные характеристики данной категории «лишенцев».
4. Определить адаптационные барьеры и механизмы адаптации изучаемой группы.
5. Реконструировать тактики поведения православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев», а также членов их семей в борьбе за восстановление в избирательных правах.
6. Раскрыть путем дискурсивного анализа заявлений священно- и церковнослужителей-«лишенцев» потенциал их адаптивного поведения.

Территориальные рамки работы охватывают Западно-Сибирский регион. Изучение сельских священно- и церковнослужителей-«лишенцев» проводилось на материалах тридцати шести районов Западно-Сибирского края. Исследование городских священно- и церковнослужителей-«лишенцев» ограничивается городами: Новосибирском, Томском, Омском, Барнаулом, Бийском.

Хронологические рамки работы – середина 1920-х – середина 1930-х гг. Несмотря на то, что лишение избирательных прав вводилось еще в Конституции 1918 года, только к середине 1920-х гг. оформились процессуальные нормы лишения и восстановления советских граждан в избирательных правах. Именно на эти годы приходится массовый поток жалоб и ходатайств «лишенцев». К этому же периоду относится формирование «личных дел». Завершение практики лишения избирательных прав и формальная ликвидация института «лишенчества» наступили с принятием Конституции СССР 1936 г.

Источниковая база. Для решения поставленных в исследовании задач привлечен широкий круг письменных источников различных видов: законодательно-нормативные документы, делопроизводственная документация, статистические материалы, материалы периодической печати.

К группе законодательно-нормативных документов, связанных с лишением избирательных прав, относятся Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. и Конституция

СССР 1936 г.⁴¹ Положения Конституции детализировались и уточнялись в инструкциях о выборах в Советы⁴². Вопросы, связанные с лишением избирательных прав, нашли свое отражение и в документах партийных органов⁴³. К данной группе относятся также постановления, касающиеся положения Русской православной церкви⁴⁴.

Делопроизводственная документация представлена следующими подгруппами: деловая переписка, информационные документы (сводки о перевыборах в советы), протокольная документация (протоколы заседаний избирательных комиссий), отчетная документация (отчеты и доклады о проведении кампаний по перевыборам в советы), учетная документация (списки «служителей культа» и лиц, лишенных избирательных прав).

Основной источниковой базы стал комплекс массовых делопроизводственных документов – личных дел «лишенцев», в котором выделяются три группы: личные документы «лишенца»; сопроводительные документы; документы избирательной комиссии⁴⁵.

Особенностью документов, входящих в состав личных дел «лишенцев», является то, что сведения излагаются апеллянтами в свободной форме и не формализованы, носят преимущественно нарративный характер; личные дела крайне неоднородны по составу и объему; материалы имеют различную, нередко тенденциозную направленность.

При работе с материалами личных дел использовалось сочетание источниково-ориентированного и проблемно-ориентированного подходов. Всего в фондах региональных государственных архивохранилищ было выявлено и обработано 412 личных дел священно- и церковнослужителей-«лишенцев». Созданная, на их основе электронная база данных, содержащая 51 поле, подготовлена с использованием программы Microsoft Excel. Для изучения аргументаций, приводимых «лишенцами» в своих заявлениях, использовался метод контент-анализа. Выделено 55 категорий, подразделяющихся на семь тематических блоков.

К этой же группе делопроизводственных документов принадлежат судебно-следственные дела репрессированных православных священнослужителей, находящиеся на хранении в государственном архиве Алтайского края. Использование материалов следственных дел репрессированных священнослужителей позволяет дополнить информацию личных дел «лишенцев»,

⁴¹ Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). М., 1940; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937.

⁴² СУ РСФСР. 1922. № 51; СУ РСФСР. № 71; СУ РСФСР. 1925. № 79; СУ РСФСР. 1926. № 75; СУ РСФСР. 1930. № 54; СЗ СССР. 1934. № 50.

⁴³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О лишенцах». Из протокола заседания Политбюро № 120, п. 43 от 15 марта 1930 г. // Архивы Кремля. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930-1940 гг. Кн. 1. М., 2005. С. 149-150.

⁴⁴ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. М., 1995; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. М., 1996; Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае. (1917-1998 гг.). Сб. / Отв. сост. Н. И. Разгон. Барнаул, Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999.

⁴⁵ Тихонов В. И., Тяжельникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. С. 52.

проследить судьбы отдельных священнослужителей, а также рассматривать лишение избирательных прав в контексте репрессивно-дискриминационной политики.

К группе справочно-статистических материалов относятся справочные книги по Томской и Омской епархии за 1914 год⁴⁶, статистические материалы о численности «лишенцев»⁴⁷, книги памяти Томской, Омской Новосибирской областей и Алтайского края⁴⁸, а также другие материалы, содержащие информацию о репрессированных священнослужителях⁴⁹. Справочные материалы позволили дополнить информацию личных дел. К отдельной категории источников принадлежит периодическая печать. В данной работе она представлена газетами «Советская Сибирь», «Красный Алтай», «Красное знамя», «Рабочий Путь».

Таким образом, комплекс разнообразных нарративных и документальных источников, составивший источниковую базу, позволят решить поставленные задачи.

Методологическую основу работы составляют общенаучные и специальные исторические принципы и подходы. Системный подход дает возможность представить общество в виде сложной иерархической системы, а лиц, лишенных избирательных прав, его составной частью. Священно- и церковнослужители, в свою очередь, являлись частью системы – православной церкви, объединявшей их на институциональной основе.

Одним из наиболее значимых в исторической науке является принцип историзма, предполагающий изучать явление в контексте исторического процесса, не привносить в это изучение дух, свойства, понятия другого времени в качестве критерия понимания и оценки.

Данное исследование выполнено в русле социальной истории, предполагающей изучение комплекса взаимоотношений общества и власти. В работе использованы методы, выработанные в рамках таких направлений, как история повседневности, историческая антропология, биографическая история, микроистория. Для данных направлений характерен перенос акцента с исследования государственных институтов, экономических структур, социальных общностей на изучение микромиров, взаимодействия людей в небольших группах, стратегий поведения индивидов и семей. В них также делается акцент на изучении многообразия, противоречивости, динамики и преемственности исторического процесса, что крайне важно для исследования периода 1920–1930-х гг.

⁴⁶ Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914; Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914.

⁴⁷ Каврайский Б. Хамармер И. Уроки классовой борьбы: Итоги выборов Советов в Сибири. 1928-1929 гг. Новосибирск, 1929.

⁴⁸ Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005-2014. Вып. 1,2,4; "Боль людская. Книга Памяти репрессированных томичей". Томск, 1991-1999. Тт. 1-5; Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск, 2000-2004. Тт. 1-11; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул, 1998-2001. Тт. 1-3.

⁴⁹ Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская голофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М., 2004; База данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет [Электронный ресурс]. URL: http://kuzl.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans (дата обращения: 14.11.2016).

Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности развития категории священно- и церковнослужителей-«лишенцев» как дискриминируемой группы. Историко-сравнительный метод дает возможность проводить сравнение социально-культурных, поведенческих характеристик как внутри изучаемой группы, так и с другими категориями «лишенцев». С помощью историко-типологического метода в изучаемой категории «лишенцев» выделяются группы по различным показателям, в частности, по тактикам поведения в борьбе за свои права. Для изучения жизненных путей священно- и церковнослужителей использовался метод просопографии. Для выявления и фиксации количественных изменений применялись методы статистической обработки. При изучении текстов заявлений православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» использовались методы контент-анализа и дискурсивного анализа.

Одними из ведущих понятий исследования являются понятия «дискриминация», «маргинальность» и «социальная адаптация». Под дискриминацией понимают «намеренное ограничение или лишение прав, преимуществ каких-либо лиц, организаций или государств по признакам расы, национальности, государственной принадлежности, имущественного положения, политических или религиозных убеждений и т.п.»⁵⁰. Под маргинальностью понимается «потеря или отсутствие принадлежности к какой-л. социальной группе или классу; соответствующая утрата горизонтальных экономических, социальных и духовных связей; разрушение системы ценностных ориентации»⁵¹. С понятием «маргинальность» тесно связан термин «социальная адаптация», который Л. В. Корель определяет, как: «состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы... к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций»⁵².

Основные положения (научные выводы), выносимые на защиту

1. В конце 1920-х гг. в русле доктринальной установки большевизма об «обострении классовый борьбы» происходит ужесточение дискриминационной политики в отношении т.н. «бывших». Подтверждением этому стало значительное численное увеличение всех категорий «лишенцев», в т.ч. служителей религиозного культа как по стране в целом, так и в Западной Сибири. Расширение достигалось путем включения в указанную учетную группу не только бывших и действующих священнослужителей, но также обслуживающего персонала церкви и даже простых прихожан.

⁵⁰ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/дискриминация> (дата обращения: 17.12.2016)

⁵¹ Политический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://vslovar.ru/slovo/politicheskij-slovar/marginalnost/222375> (дата обращения: 19.04.2017).

⁵² Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005.

2. Лишение избирательных прав православных священно- и церковнослужителей являлось одной из мер, направленных на борьбу с Русской православной церковью. Проводимая наряду с репрессивной дискриминационная политика вынуждала основную часть духовенства оставлять службу, а также способствовала сокращению числа прихожан и закрытию церквей, что вело к распаду социальных связей священников с группами социума, разжиганию социальных конфликтов между ними.

3. Маргинальный статус священно- церковнослужителя распространялся на членов семьи, находившихся на его иждивении. К детям священнослужителей власти относились особенно настороженно, полагая, что те разделяют религиозные убеждения своих родителей. Восстановление в избирательных правах молодежи этих семей, как правило, предусматривало путь отказа от родителей, поэтому одним из долговременных последствий лишения избирательных прав стал раскол поколений.

4. По своему социально-демографическому составу данная корпоративная группа была представлена мужчинами среднего и преклонного возраста. Священнослужители в большинстве своем начинали служить до революции и имели высокий уровень образования относительно других категорий, что являлось фактором, способствовавшим социальной адаптации в обществе после оставления службы в церкви. Церковнослужители в основном начали работать в церкви после революции, они не обладали высоким уровнем образования, многие исполняли свои обязанности временно и безвозмездно.

5. Сопутствовавшие «лишенчеству» разнообразные дискриминационно-ограничительные меры создавали адаптационные барьеры, существенно ограничивавшие возможности адаптации бывших священно- и церковнослужителей в советском обществе. Особенно драматичной оказывалась судьба представителей сельского духовенства, которые причислялись властями к «кулакам» и подлежали «раскулачиванию» и высылке, апеллировать откуда оказывалось практически бесполезно; кроме того, получить пятилетний трудовой стаж в деревне было значительно сложнее. Поэтому лишь незначительной части сельских «лишенцев» данной категории удалось добиться восстановления, тогда как в городах процент восстановленных был высоким.

6. В поведении священно- и церковнослужителей Западной Сибири в борьбе за восстановление в избирательных правах выделяются три основные тактики: одни категорически не соглашались с решениями властей, апеллировали к законодательству, вторые подтверждали факт оставления церкви и этим ограничивались, другие всячески демонстрировали свое негативное отношение к религии, лояльность и преданность советской власти.

7. Анализ заявлений священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в органы власти показывает, что они вполне освоили новый идеологический дискурс и активно использовали его. Выделено три стилистических типа заявлений: официально-деловые, «идеологические», «наивные». К «идеологическому» стилю чаще прибегали «лишенцы», у которых отсутствовали законные основания для восстановления в правах.

8. Пик восстановлений в избирательных правах пришелся на 1930 г., но на это же время приходится самое большое число репрессированных священнослужителей за период до 1937 г. Таким образом, наблюдаются две противоположные тенденции в политике власти по отношению к священнослужителям. С одной стороны – попытка исправить «перегибы» в деле лишения избирательных прав, с другой – усиление наступления на церковь.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой первое комплексное исследование категории православных священно- и церковнослужителей, лишенных избирательных прав, на материалах Западной Сибири. Привлечение нового комплекса массовых источников, впервые вводимого в научный оборот, дает представление об основных демографических и социально-культурных характеристиках данной группы, а также сложном процессе адаптации и социальной мобильности «служителей культа» в постреволюционном обществе.

Практическая и теоретическая значимость диссертации состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в научной и образовательной сфере, при написании обобщающих работ, разработке и чтении курсов по отечественной истории, а также спецкурсов по истории репрессивно-дискриминационной политики советского государства в 1920–1930-е гг. и проблемам истории государственно-церковных отношений в указанный период.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2011–2014 гг.), V межрегиональной научно-практической конференции «Сибирь на перекрестке мировых религий» (Новосибирск, 2011 г.), международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 2013–2016 гг.), всероссийской научной молодежной конференции «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2013, 2016 гг.), региональном семинаре «Репрессированная сибирская провинция». (Новосибирск, 2013, 2016 гг.), международной научно-практической конференции «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 – начале 50-х годов XX века» (Усть-Каменогорск, 2014 г.), межрегиональной научно-практической конференции «Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества» (Новосибирск, 2015 г.). Результаты исследования представлены в 18 публикациях (10 статьях и 8 тезисах конференций) объемом 5,6 п.л, из которых 3 в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, рассматривается степень изученности проблемы, выделяется объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, устанавливаются территориальные и хронологические рамки, описываются источниковая база, методологическая основа, анонсируются основные положения, выносимые на защиту

Первая глава «Дискриминационный статус и его последствия для православных священно- и церковнослужителей» посвящена анализу дискриминационного положения данной группы и последствий лишения избирательных прав. В *первом разделе* «Законодательство о лишении избирательных прав и практика его применения в Западной Сибири» рассматривается динамика положений инструкций о выборах в советы, определявших круг лиц, лишаемых избирательных прав. После относительно либеральной инструкции о выборах в советы 1925 г., по которой лишались избирательных прав только те служители культа, для которых это занятие являлось профессией, инструкция о выборах 1926 г. значительно расширила круг священнослужителей-«лишенцев». Согласно ей, избирательных прав лишались все лица, служившие в церкви, в том числе, работавшие безвозмездно. Данный пункт инструкции открыл широкие возможности местным властям для выявления новых «лишенцев». На конец 1920-х гг. пришелся пик всевозможных нарушений, выражавшихся как в причислении к категории «служителей религиозного культа» мирян, членов приходских советов, старост, так и в увеличении числа дискриминационных мер, сопутствовавших статусу «лишенца». Данная практика была распространена повсеместно, в том числе и в Западной Сибири.

Во втором разделе «Последствия лишения избирательных прав духовенства в контексте взаимоотношений власти и церкви» дискриминационные меры, сопутствовавшие лишению избирательных прав, рассматриваются как составляющая часть политики государства, направленной на разрушение церковной организации. Обращается внимание на налоговую политику по отношению к сельским священно- и церковнослужителям. В этом контексте рассматриваются отношения представителей клира с социумом, которые оцениваются неоднозначно. С одной стороны, священно- и церковнослужители находили поддержку среди прихожан, которые были готовы ходатайствовать за них перед налоговыми комиссиями. С другой стороны, некоторые из числа негативно настроенных по отношению к духовенству и церкви граждан могли выражать свою позицию в форме доносов.

Третий раздел «Распространение дискриминационного статуса на членов семьи "лишенца"» посвящен анализу последствий лишения избирательных прав для родственников священно- и церковнослужителей. Рассматриваются способы, к которым прибегали члены семей, чтобы доказать свою независимость от «лишенца» и добиться восстановления в избирательных правах. Особенностью положения именно детей священнослужителей являлось более настороженное отношение к ним властей. Служба родителей в церкви автоматически делала детей в глазах власти носителями религиозных представлений. И если детей торговцев и других «нетрудовых элементов» рассматривали с точки зрения только материальной зависимости от родителей, то в случае с детьми священнослужителей подключалась идеологическая составляющая. И, хотя формально для восстановления в избирательных правах требовалась только материальная независимость и самостоятельный общественно-полезный труд⁵³, в реальности к родственникам

⁵³ СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654. Гл. II, ст. 16. п. «р».

священнослужителей власти относились с явным предубеждением. «Успешность» ходатайств чаще всего достигалась громадной морально-нравственной ценой – радикальным разрывом, демонстративным унижением себя и родителей. При этом власти, делая ставку на молодое поколение, восстанавливали детей значительно чаще (75 % восстановлены), чем жен священнослужителей (42,1 % восстановлены).

Вторая глава «Динамика состава и облика священно- и церковнослужителей-«лишенцев» региона» посвящена анализу демографических и социокультурных характеристик изучаемой группы, а также адаптационных барьеров и способам их преодоления.

В *первом разделе* «Демографические и социокультурные характеристики группы» на основе статистических источников рассматривается численное увеличение категории служителей религиозного культа, лишенных избирательных прав, происходившее в конце 1920-х гг. На основе материалов электронной базы данных реконструируется социальный облик изучаемой группы. Проанализирована поселенческая, возрастная, гендерная структуры священно- и церковнослужителей, рассмотрены национальный состав, сословное происхождение, уровень образования, распределение по должностям, занимаемым в церкви и времени поступления на службу. По возрастному составу среди лиц, отнесенных к категории священно- и церковнослужителей, преобладают лица 1870-х–1880-х гг. рождения. В целом для всей категории «лишенцев» характерно преобладание лиц старше 30 лет. Особенно выделяется группа 40–50-летних, которых в числе «лишенцев» было почти в 2 раза больше, чем среди взрослого сельского населения⁵⁴. Проведенное сравнение образовательного уровня священнослужителей с данными за 1914 год показало увеличение числа лиц, окончивших светские учреждения и церковно-приходские школы, а также снижение количества тех, кто обучался в духовных училищах.

Во *втором разделе* «Пути и возможности социальной адаптации» рассматриваются адаптивные барьеры и механизмы их преодоления. В соответствии с классификацией исследователя М. В. Ромма⁵⁵ выделены следующие адаптивные барьеры: индивидуальные, информационно-адаптивные, ситуативные. Делается вывод, что для категории священно-и церковнослужителей-«лишенцев» одним из ведущих являлся мировоззренческий барьер. К индивидуальным относятся также возрастной и эмоционально-психологические барьеры. Информационно-адаптивные барьеры для священно- и церковнослужителей выражались в отсутствии или неполноте информации о дискриминационных мерах, последовавших за лишением избирательных прав, а также о круге лиц, причисляемых к «лишенцам». Ситуативные барьеры крайне разнообразны, в случае со священно- и церковнослужителями-«лишенцами» они представлены в первую очередь ограничительно-дискриминационными мерами, сопутствовавшими лишению избирательных прав (ограничения на работу в государственных учреждениях, исключение из профсоюзов и кооперативов, повышенное налогообложение,

⁵⁴Саламатова М. С. «Лишенцы» // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы). С. 44.

⁵⁵Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. С. 105.

отсутствие социальных пособий). Для преодоления адаптивных барьеров бывшим священно- и церковнослужителям приходилось рассчитывать в основном на личностные средства адаптации. Так как в условиях бифуркаций институциональные и нормативно-регулятивные средства адаптации разрушаются почти до основания, то субъект вынужден ограничиваться преимущественно личностными и статусными средствами⁵⁶.

С использованием методов просопографии реконструированы жизненные пути священно- и церковнослужителей, оставивших службу в церкви. Рассматривается структура занятий бывших священно- и церковнослужителей. Так, 60,6 % городских священнослужителей стали служащими, в сельской местности на первом месте по количеству находились лица, занимавшиеся сельским хозяйством (34,4 %). Динамика оставления священно- и церковнослужителями службы в церкви показывает, что пик пришелся на 1930 г., что связано, в первую очередь, с коллективизацией и новым этапом наступления на религию. Отмечается, что за лишением избирательных прав часто следовали более суровые репрессивные меры. Всего из 415 священно- и церковнослужителей достоверно известно о репрессиях в отношении 142 человек (из них 46,9% были приговорены к расстрелу).

Третья глава «Борьба за правовой статус: тактики поведения и результаты» посвящена анализу заявлений священно- и церковнослужителей в органы власти, выявлению приемов и тактик, используемых ими, изучению стилистических особенностей текстов, а также рассмотрению ответной реакции избирательных комиссий.

В *первом разделе* «Тактики поведения священно- и церковнослужителей- "лишенцев"» представлены результаты изучения 315 заявлений «лишенцев» с помощью методики контент-анализа. Выделенные 55 категорий контент-анализа подразделяются на 7 блоков: утверждение трудового статуса; отрицание «нетрудового» статуса; сетования на жизненные тяготы; оправдание службы в церкви; причины лишения и обстоятельства рассмотрения дела, обращения к органам власти; доказательства лояльности. Выделены три основные тактики поведения: несогласие с решениями властей и апелляция к законодательству; согласие с законностью лишения избирательных прав, демонстрация негативного отношение к религии и преданности советской власти; констатация факта прекращения службы без особых негативных высказываний относительно религии. Отмечается, что большинство церковнослужителей в своих заявлениях в органы власти стремились отмежеваться от статуса «служителя религиозного культа» и представить себя «любителями пения». Данное поведение характерно также для церковнослужителей других регионов.

Во *втором разделе* «Апелляции «лишенцев»: опыт дискурсивного анализа» рассматриваются стилистические особенности заявлений «лишенцев» и выделяются три типа: официально-деловые, «идеологические», «наивные». Использование того или иного стиля зависело как от уровня образования ходатая, так и от конкретных обстоятельств, в особенности, от наличия или отсутствия пятилетнего трудового

⁵⁶Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск. 2005. С. 305.

стажа. На протяжении процесса апелляции о восстановлении в избирательных правах, получая очередной отказ, священно- и церковнослужители-«лишенцы» могли менять стили обращения, пытаться подобрать необходимые слова, сконструировать правильный образ преданного советского гражданина. Происходили и обратные процессы: с появлением необходимого трудового стажа «идеологический» стиль сменялся на официально-деловой. Кроме того, изучены эпитеты, приводимые авторами заявлений, которые подразделяются на следующие категории: оценка собственного дискриминационного статуса; отзывы о прошлой службе и жизни; мнения и обращения к партии, властям; представления о будущем.

В *третьем разделе* «Динамика восстановлений в избирательных правах и деятельность избирательных комиссий» приводится статистика восстановлений в избирательных правах, а также корреляция аргументов, приводимых «лишенцами» с решениями избирательных комиссий. Изучение заявлений позволяет выделить среди аргументов более успешные и менее успешные, но абсолютной зависимости между восстановлением в правах и выбранными тактиками не наблюдается. К восстановлению в избирательных правах власти подходили достаточно формально: условиями являлся пятилетний трудовой стаж и лояльность советской власти. Мотивирование отказа в восстановлении отсутствием публичного отказа от сана, часто отмечаемое авторами исследований, посвященных священнослужителям других регионов, в Западной Сибири являлось инициативой местных властей, не поддерживаемой на краевом уровне. Исследование показало, что большинство подававших заявления городских священно- и церковнослужителей добивались позитивного решения (69,57 %). Ситуация с восстановлением в избирательных правах духовенства сельской местности была значительно сложнее, восстановления в избирательных правах удалось добиться лишь незначительной части (23,58%). Данный показатель ниже общего уровня восстановленных сельских «лишенцев» всех категорий, который составлял 31,2 %⁵⁷.

В *заключении* сделаны обобщающие выводы. Лишение избирательных прав православных священно- и церковнослужителей способствовало устранению их из «правового» общества и форсированной маргинализации. Советский режим как бы «перевернул» социальную структуру общества: те сословия и группы, которые были привилегированными до революции, опустились на «дно» общества, те же, которые были, по сути, маргиналами, частью пополняли лидерные общности. Лишение избирательных прав священнослужителей и лиц, приравненных к ним, не давало или существенно ограничивало возможности адаптироваться в новом обществе.

Священнослужители имели достаточно высокий образовательный уровень, что несколько повышало их шансы на восстановление в избирательных правах, т. к., с одной стороны, позволяло грамотно писать заявления и апеллировать в них к законодательству, а с другой стороны, давало возможность устроиться на работу в государственные учреждения в качестве служащих. Это касалось в первую очередь городских священнослужителей: действительно, многие сумели найти работу, причем необязательно в области тяжелого физического труда, так как полученное

⁵⁷ Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008. С. 72.

образование позволяло занять должности служащих. С другой стороны, пожилой возраст большинства из них явно ограничивал возможности при устройстве на работу.

В сельской местности положение духовенства оказывалось значительно сложнее. К их восстановлению в избирательных правах органы власти подходили очень сурово, а найти работу для получения пятилетнего трудового стажа, необходимого для правового восстановления, было чрезвычайно трудно. Неумеренно высокое налогообложение разоряло хозяйства священнослужителей, вынуждало их оставлять службу в церкви или бежать из родных сел. Кроме того, многие сельские священнослужители в начале 1930-х подверглись таким репрессивным мерам, как экспроприация имущества и высылка на спецпоселения. Еще чаще «раскулачивание» касалось церковнослужителей, для которых основным видом деятельности являлось сельское хозяйство, а «нетрудовой» доход от службы в церкви только увеличивал вероятность причисления их хозяйства к «кулацким».

В борьбе за свое существование, за восстановление в избирательных правах, православные священно- и церковнослужители Западной Сибири, в зависимости от условий, в которых находились, прибегали к различным тактикам поведения. Выделяются три основных направления.

1. Позиция отрицания законности лишения избирательных прав (для части сельских священнослужителей – отрицание законности высокого налогообложения). Представители данного направления среди священников имели в большинстве своем доказательства своей трудовой (нецерковной) деятельности – наличие пятилетнего стажа, поэтому они умело апеллировали к законодательству. Попытки церковнослужителей доказать временность своей службы обычно заканчивались безуспешно. Это касается и сельских священников: добиться снижения налогов им не удавалось.

2. Позиция признания справедливости лишения избирательных прав и глубокого раскаяния в прошлой деятельности. Часть «лишенцев» стремилась полностью отмежеваться от прошлой деятельности, например, начав заниматься антирелигиозной пропагандой; другая часть больше акцентировала внимание на своем раскаянии. К данной тактике прибегали чаще священно- и церковнослужители, недавно оставившие церковь и еще не успевшие получить необходимый «советский» трудовой стаж. Используя язык пропаганды, «лишенцы» стремились убедить членов избирательных комиссий в своей верности советской власти и желании трудиться на благо социализма, в надежде на восстановление в избирательных правах до получения пятилетнего стажа.

3. Конформистская позиция, находившаяся между двумя выше представленными крайними тактиками, предполагала наличие факта оставления службы в церкви, неопровержение справедливости лишения избирательных прав, но отсутствие подчеркнутого отречения от веры и религиозных убеждений. Для конформистских заявлений характерен перенос в апелляциях акцента на различные жизненные обстоятельства: слабое здоровье, сложное материальное положение, а также причины, вынудившие пойти на службу в церковь.

И «активисты», и «конформисты» могли быть восстановлены в правах, если при этом выполнялись формальные условия – наличие пятилетнего рабочего стажа и лояльность к советской власти. Из-за неопределенности в трактовке последнего пункта часть священнослужителей, имевших трудовой стаж, не добились восстановления в правах. С другой стороны, даже отречение от сана и «активное» желание служить «во благо строительства социализма» и бороться «за светлое будущее» не гарантировали священно- и церковнослужителям восстановление в избирательных правах. В целом процент восстановленных был выше, чем среди мордовских⁵⁸, но ниже, чем у уральских представителей данной категории⁵⁹.

Кроме того, даже те священно- и церковнослужители, кто добился восстановления в избирательных правах, не были застрахованы от последующих репрессий. Тем более это касалось тех священников, которые продолжали служить в церкви и не сложили с себя сан. Один раз оказаться в составе «лишенцев» означало попасть в «группу риска». Таким образом, лишение избирательных прав следует рассматривать как пролог массовых репрессий 1937 года.

Лишение избирательных прав способствовало разделению общества, его внутренней конфронтации, возникновению атмосферы агрессии, которая направлялась на представителей бывших привилегированных сословий, в том числе на священнослужителей. Если в начале существования института «лишенцев» к статусу последних окружающие относились спокойно, то впоследствии термин «лишенец» превратился в своего рода клеймо, которое получали бывшие или действительные священно- и церковнослужители, вне зависимости от продолжительности их службы и занимаемой должности. Более того, этот маргинальный статус передавался и их детям. Одним из долговременных последствий лишения избирательных прав стал раскол поколений.

Рассматривая лишение избирательных прав православных священно- и церковнослужителей в аспекте взаимоотношения Русской православной церкви и советского государства, делается вывод, что данная мера являлась одной из многих, которые прямо или косвенно способствовали уничтожению церкви. Комплекс ограничительных мер, сопутствующий лишению избирательных прав, способствовал тому, что священно- и церковнослужители были вынуждены отказываться от службы в церкви. Из-за опасений пострадать за связь с религией сокращалось и число прихожан.

Для того, чтобы восстановиться в избирательных правах, некоторые священнослужители отрекались от своего сана и веры в Бога публично – с амвонов церковью или через газеты. Подобные выступления подрывали позиции православия, оказывали негативное воздействие на мировоззрение прихожан. Естественно, что такого рода действия, подкреплявшие антирелигиозную пропаганду, были выгодны властям.

⁵⁸ Ергина Н.М. Социальный портрет лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом в 1918-1936 гг. на территории Мордовии (по материалам личных дел) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2011. № 5-1. С. 67.

⁵⁹ Русина Ю. А. "Нет права голоса - нет доверия": почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В. 2 ч. Ч. 1. С. 199.

Таким образом, лишение избирательных прав православных священно- и церковнослужителей представляло собой органическую часть ограничительно-дискриминационной и репрессивной политики советского государства, в том числе, направленную на подрыв влияния Русской православной церкви, в которой власти видели идеологического противника. Но, несмотря на все гонения и притеснения, не снявшие сана священнослужители сохранялись как корпоративная группа, а Русская православная церковь существовала как социальный институт. В отличие от других категорий «лишенцев», православные священно- и церковнослужители являлись консолидированной общностью. Бывшие «белые офицеры», жандармы, служащие полиции были разрознены, их объединяла только прошлая служба, базы для консолидации в раннесоветском обществе у них не было. Иная ситуация складывалась в отношении священно- и церковнослужителей, для которых церковь являлась объединяющей основой. Несмотря ни на что, церковная организация, хоть и в крайне деформированном виде, но продолжала существовать, сохранила и полвека спустя использовала духовный и человеческий потенциал для своего возрождения.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Москаленская Д. Н.** Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах (середина 1920-х – середина 1930-х годов) / Д. Н. Москаленская // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 8. – С. 134–138. – 0,5 п.л.

2. **Москаленская Д. Н.** Личные дела священно- и церковнослужителей-«лишенцев» как исторический источник / Д. Н. Москаленская // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. – 2015. – № 1. – С. 147–156. – 0,5 п.л.

3. **Москаленская Д. Н.** Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. / Д. Н. Москаленская // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 403. – С. 82–86. – DOI: 10.17223/15617793/403/14. – 0,5 п.л.

Web of Science: **Moskalenskaya D. N.** Disfranchisement and restoration of voting rights of orthodox clergymen in Western Siberia in the mid-1920s – mid-1930s / D. N. Moskalenskaya // Tomsk state university journal. – 2016. – Vol. 403. – P. 82–86.

Публикации в прочих научных изданиях:

4. **Москаленская Д. Н.** Тактики поведения православных священно-церковнослужителей Западной Сибири в отстаивании своих гражданских прав (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) / Д. Н. Москаленская // Студент и научно-

технический прогресс : история : материалы XLIX Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 16–20 апреля 2012 г. – Новосибирск, 2011. – С. 234–235. – 0,1 п.л.

5. **Москаленская Д. Н.** «...Отрекаюсь от всего старого»: мотивы и возможности отстаивания священно- и церковнослужителями Западной Сибири своих гражданских прав (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) / Д. Н. Москаленская // Сибирь. Деревня. Город: сборник научных статей. – Новосибирск, 2011. – С. 34–44. – 0,6 п.л.

6. **Москаленская Д. Н.** Православные священно- и церковнослужители: последствия лишения избирательных прав и способы адаптации (на материалах Западной Сибири) / Д. Н. Москаленская // Сибирь на перекрестье мировых религий : материалы V Межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2011. – С. 135–139. – 0,35 п.л.

7. **Москаленская Д. Н.** Лишение избирательных прав сельского духовенства Западной Сибири. / Д. Н. Москаленская // Студент и научно-технический прогресс : история : материалы 50-й юбилейной Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 13–19 апреля 2012 г. – Новосибирск, 2012. – С. 266–267. – 0,1 п.л.

8. **Москаленская Д. Н.** Практика применения в Западной Сибири законодательства в отношении лишения избирательных прав православного духовенства в 1926–1930 гг. / Д. Н. Москаленская // Студент и научно-технический прогресс : история : материалы 51-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 12–18 апреля 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 208–209. – 0,1 п.л.

9. **Москаленская Д. Н.** Социокультурный облик православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири / Д. Н. Москаленская // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XII Международной научной конференции. Иваново, 20–21 февраля 2013 г. – Иваново, 2013. – С. 255–259. – 0,25 п.л.

10. **Москаленская Д. Н.** Современная отечественная историография проблемы лишения избирательных прав православного духовенства в середине 1920-х – середине 1930-х гг. / Д. Н. Москаленская // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сборник материалов III Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 21–24 августа 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 226–234. – 0,5 п.л.

11. **Москаленская Д. Н.** Лишение избирательных прав православных священников как пролог репрессий / Д. Н. Москаленская // Репрессированная сибирская провинция : материалы регионального научно-практического семинара. Новосибирск, 28–29 октября 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 19–25. – 0,3 п.л.

12. **Москаленская Д. Н.** Политика власти в отношении православного духовенства в постреволюционные годы: судьба священника А. П. Дзюбенко / Д. Н. Москаленская // Студент и научно-технический прогресс : история : материалы 52-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 11–18 апреля 2014 г. – Новосибирск, 2014. – С. 178–179. – 0,1 п.л.

13. **Москаленская Д. Н.** Восстановление в избирательных правах православных священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири / Д. Н. Москаленская // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XIII Международной научной конференции. Иваново, 12–13 марта 2014 г. – Иваново, 2014. – Ч. 2. – С. 557–561. – 0,25 п.л.

14. **Москаленская Д. Н.** Пути адаптации бывших священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в условиях постреволюционной эпохи / Д. Н. Москаленская // Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 – начале 50-х годов XX века : материалы международной научно-практической конференции. Усть-Каменогорск, 30–31 мая 2014 г. – Усть-Каменогорск, 2014. – С. 336–349. – 0,5 п.л.

15. **Москаленская Д. Н.** Личные дела священнослужителей-«лишенцев» как источник для создания коллективной биографии / Д. Н. Москаленская // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества : материалы межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 11 марта 2015 г. – Новосибирск, 2015. – С. 141–145. – 0,25 п.л.

16. **Москаленская Д. Н.** Социально-экономическое положение сельского духовенства Западной Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х гг. / Д. Н. Москаленская // Государство, общество, церковь в истории России XX – XXI веков : материалы XIV Международной научной конференции. Иваново, 18–19 марта 2015 г. – Иваново, 2015. – Ч. 1. – С. 233–235. – 0,1 п.л.

17. **Москаленская Д. Н.** Репрессии в отношении священнослужителей в 1920–1930 гг. (по материалам Омской Книги памяти) / Д. Н. Москаленская // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Международной научной конференции. Иваново, 23–24 марта 2016 г. – Иваново, 2016. – Ч. 1. – С. 262–264. – 0,1 п.л.

18. **Москаленская Д. Н.** «Порываю всякую связь...»: члены семей священнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за свои права (середина 1920-х – середина 1930-х годов) / Д. Н. Москаленская // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 25–27 августа 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 167–174. – 0,5 п.л.

Подписано в печать 19.10.2017 Формат 60x84 1/16
Усл. Печ. л. 1,5 Тираж 100 экз. Заказ №101

Отпечатано Омега Принт
630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 6
email: omegar@yandex.ru